

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ ГЛАГОЛОВ ЖЕЛАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ганеева Г.Г.¹

¹*Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия, (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: academy@birsk.ru*

Синонимия в морфологии связана с употреблением разных форм слова, а также с использованием морфологических вариантов слов в разных стилях речи. В данной научной статье рассматриваются морфологические синонимы глаголов желания. Именно глаголы желательного наклонения и глаголы, выражающие значение желания в современном башкирском языке, богаты морфологическим видам и разнообразным семантическим окраскам. В работе системно анализируется морфологическая синонимия глаголов желания с оттенком доброго пожелания и зложелания, варианты глаголов сильного пожелания, желания реального или ирреального характера, желание с оттенком совета, рекомендации или предостережения и тд. На примере художественных произведений раскрывается их стилистические особенности. Также определяется роль модальных слов и частиц, усиливающие или ослабляющие различные оттенки желания (оптативной модальности).

Ключевые слова: оптативная модальность, желание, морфологические синонимы, семантика, желательное наклонение, синтетическая форма, аналитическая форма, оттенки.

MORPHOLOGICAL SYNONYMOUS VERBS OF DESIRE IN THE BASHKIR LANGUAGE

Ganeeva G.G.¹

¹*Birsky branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10) e-mail: academy@birsk.ru*

The synonymy is connected in morphology with the use of different forms of the word, and also with use of morphological versions of words in different styles of the speech. In this research article discusses morphological synonyms of verbs of desire. It is the verbs desired inclination and verbs, expressing the importance of desire in modern Bashkir language rich morphological types and a variety of semantic colors. In the work systematically analyzed morphological synonymy with verbs of desire with a touch of good wishes and selegeline, variants of strong verbs wishes, desires, real or unreal nature of desire with a hint of advice, recommendations or warnings, etc. On the example of artistic works reveals their stylistic features. Also defines the role of modal words and particles that strengthen or weaken various shades of desire (optative modality).

Keywords: optative modality, desire, morfoloichesky synonyms, semantics, elatelyn inclination, sinteticheska form, analytical form, shades

Желание (оптативная модальность) в башкирском литературном языке и в трех его диалектах представлена многочисленными морфологическими формами, синтаксическими конструкциями и эмотивной лексикой башкирского языка. В семантическом плане они имеют разнообразные оттенки: субъективное желание, реальное или ирреальное желание, мечту или сомнение, совет или рекомендацию, добрые пожелания или зложелание, самопроклинание и т.д. [6,7].

Основным показателем оптативной модальности в современном башкирском языке является желательное наклонение глагола. Оно образуется при помощи глагола с окончанием на *-ай/-эй*, употребляющегося только в форме 1-го лица единственного или множественного числа. В единственном числе синтетическая форма выражает субъективное желание говорящего. Данная форма с различными частицами и модальными словами

придает и другие оттенки желаний. Одно из них самопроклинание: *Теге донъяла суска булып кұбылайым да, йыландан сағылайым* (С.Агиш). (Пусть на том свете нарываюсь свиньей и ужасно змеей). Самопроклинание говорящего в языке также выражается глаголом I лица условного наклонения с частицей *-сы/-се* или вспомогательным глаголом *ине*. Например: *Уның йөзөн күргәнсе һуқыр булһам ине, һүзәрән ишеткәнсе һаңғырау булһам ине! Уны яратып тиккән йөрәгем таш булһасы!* (И. Йомаголов). (Чтоб не увидит ее лицо, был бы я слепым, чтоб не услышать ее слова, был бы я глухим, стало бы каменным любящее ее мое сердце).

В современном башкирском языке условное наклонение глагола в сочетании с неспрягаемым вспомогательным глаголом *ине* передает также мечтание, несбыточное желание говорящего: *Эй, мин дә Шәүрә кеүек шулай кыйыу булһам ине.* (З.Бейешева). (Быть бы мне тоже такой же смелой, как Шаура).

Вместо вспомогательного глагола *ине* в предложении употребляется модальное слово *икән*: *барһа ине // барһа икән* (поехал бы), *күрһә ине // күрһә икән* (увидел бы). Семантика этих аналитических глаголов полностью совпадает. Но форма *-һа/һә икән* более эмоциональна, в ней отражаются такие модальные значения, как печаль, тоска. Именно поэтому данная форма в речи чаще всего употребляется с различными модальными словами и характерна для поэтических произведений. Например: *Их, ошо коштар, хайуандар донъяһы шикелле бер яклы, бер катлы ғына булһа икән тормошоң* (Т.Фарипова). (Эх, была бы жизнь твоя односторонней и однослойной, как мир этих птиц и животных). *Зөбәржәттең был уйын кардиограммаға язып булһа икән...* (Т.Фарипова). (Была бы возможность записать мысли Зубаржата в кардиограмму).

В современной лингвистике частица *-һана/ -һәнә* определяется как вежливая форма повелительного наклонения. В семантическом плане повелительное и желательное наклонения глагола тесно взаимосвязаны, и на этом основании можно сделать вывод, что частица *-һәнә* выражает не только императивную модальность, но в особых контекстуальных случаях может передавать значение мольбы с оттенком мечтания, сильного желания. В таких предложениях, совместно с частицей *-һәнә*, могут употребляться и другие формы оптативной модальности.

Сильное желание говорящего, семантика несбыточной мечты в башкирском языке передается также глаголом повелительного наклонения 2-го или 3-го лица в употреблении со вспомогательным глаголом *ине*. Например: *Их! Тизерәк йәй етһен дә, Көнһылыу атының ялына йәбешеп Күктау һырттарына илткән юлдан елдәй ошон ине!* (Т.Фарипова). (Эх, скорее наступило бы лето, и Куньсулу, держась за лошадиную гриву, как ветер, мчалась бы по дороге, доставляющей на хребты Куктау).

Значение несбыточной мечты, возможность осуществления желания только в далеком будущем передается глаголом изъявительного наклонения. Чтобы передать значение желания, данное наклонение глагола употребляется в сочетании с вопросительными местоимениями *нисек* «как», *касан* «когда». Например: *Тормоштагы оло апайым кеуек, касан иркенерәк тормошка тейенербез инде* (Ф.Хөсәйенов). (Когда мы войдем в достаток, как старшая сестра). *Эй хозайым! Касан камаузан котолоп Кызыл армия частарына кушылалар инде* (Ә.Әминев). (Ой, боже мой, когда же освободятся из осаждения и присоединятся к части Красной армии).

Сильное желание неосуществимого мечтания выражается причастием на *-аһы/-әһе* в сочетании с вспомогательными словами *ине, икән*: *Батшалар йәшигән кала матурзыр, албиттә, кайһы рәүешле булһын ул тагы!. Шуларзы күрәһе, шунда йәшәйһе ине* (Б.Ногоманов). (Город, в котором проживают цари, красивый, конечно, каким он должен быть еще. Увидеть бы их, жить бы там).

Страстное пожелание ирреального характера наблюдается в несобственном значении условных форм глагола в сочетании с частицей *-сы/-се*: *Берәр йылга шиараты, күңел өсөн берәй кыуак осраһасы* (М.Әбсәләмов). (Встречались бы что-нибудь подобие реки, для души какой-нибудь кустарник).

Отдельные безглагольные предложения при помощи модальных слов и частиц выражает ирреальное желание: *Их, кайза үземдең йәнишимә һыукайзарым!* (М.Әбсәләмов). (Эх, где же мое водичко из животворного родника!) *Ниңә мин дә ошо хуш есле, йәшел япрак остоктарының береһе түгелмен икән, исмаһам...* (З.Бишиева). (Почему же я тоже не являюсь одним из клочков этих ароматных, зеленых лепестков...).

Ирреальное желание или мечта говорящего совершить какое-либо действие в далеком будущем выражается неспрягаемой формой глагола на окончание *-ырға/-ергә* в самостоятельном употреблении, или аналитической конструкцией инфинитива со вспомогательным глаголом *ине*: Например: *Эй-й, йәһәтерәк үсергә, зурайырға ине! Тизерәк укырға, күпте белергә ине* (З.Бишиева). (Эх-х, скорее вырасти бы! Поскорее учиться бы, многое узнать бы!)

В современной грамматике башкирского литературного языка средства передачи семантики запоздалого совета, рекомендации к совершению действия также многочисленны. В сочетании со вспомогательным словом *икән*, глагол на *-аһы/-әһе* выражает не только сильное желание с оттенком несбыточного мечтания, а при обращении ко 2-му лицу приобретает значение совета: *Һез мине башкорт дивизияһына ебәрһәгез ине* (М.Кәрим). (Отправили бы вы меня в башкирскую дивизию). Конструкция *-ыр/-ер ине*, употребляясь в 1-м лице, выражает желание, намерение самого говорящего, а во 2-м лице передает значение

совета. Например: *Байгилде мырза, исмаһам мине берәй бабайға буһа ла биреп китер инең* (З.Бишиева). (Брат Байгилде, оставил бы меня хотя бы какому-нибудь старику). Отрицательная форма выражается с окончанием *-маҫ/-мәҫ*. Но в разговорной речи употребляется довольно редко: *О, кулынан килһә, Ғәмбәров үз теләге менән баһ тарткан йәшиллек мөхәббәтен һис касан да иҫенә төшөрмәҫ ине!* (Ф.Ақбулатова). (О, была бы возможность, Гамбаров никогда не вспомнил бы свою первую любовь, отказавшую по собственному желанию).

Намерение самого говорящего, решимость лица совершить действие в плане будущего, реже – настоящего времени, в современном башкирском языке выражаются аналитическими формами глагола *-ыр/-ер ине* или *-аһы/-әһе ине*. Например: *Хәзерге мазрасалә күберәген дин укыталар бит, шул дин дәрестәрен азайтып, йә бөтөнләй бөтөрөп, күберәк фән укытаһы ине* бына (Ж.Кейекбаев). (Ведь в современной медресе в основном изучают религию, сокращая такие религиозные уроки или вовсе прекращая, обучать бы науке). *Йәшилсәһен, емешен үстөрөп һатып кына колхозды серегән байға әйләндерер ине* ул (Т.Ғарипова). (Выращивая овощи-фрукты и продавая их, сделала бы она колхоз зажиточным).

Предостережение от совершения действия, боязнь, нежелательность совершения действия, сомнение, опасение в башкирском языке выражается аналитической сложной конструкцией на *-һа/-һә ярар ине*. Например: *Был донъялар тизерәк тынысланһа ярар ине* (Ф.Ақбулатова). (Эта жизнь скорее успокоилась бы). Значение субъективного желания с оттенком опасения и сомнения выражается отрицательной формой глагола с окончанием на *-гай/-гәй*. Например: *Әбей, ни булған был балаға? Бер-бер шикле хәлгә тарымагайы* (Журнал “Агидель”). (Старушка, что случилось с этим ребенком? Не попал бы в какую-нибудь подозрительную историю). В тюркских языках основным показателем желательного наклонения являются окончания *-гай/-гәй* или *ай/-әй*. В исторической грамматике они рассматриваются видоизмененным фонетическим вариантом глаголов желательного наклонения [4, с. 445-450]. А.М. Щербак не видит достаточных оснований рассматривать аффикс *-ай* как фонетическую разновидность аффикса *-гай* [5, с. 52-57]. А.М. Щербак обращает внимание на семантическое своеобразие формы на *-гай*, по сравнению с формой глагола на *-ай*. Действительно, если форма на *-ай/-әй* выражает различные оттенки желания и активно сочетается с модальными словами, частицами, придающими соответствующие семантические оттенки всему предложению, то форма на *-гай* в самостоятельном употреблении не выражает данной семантики, реализуя ее лишь в контексте.

В башкирском языке желательное наклонение глагола образуется аналитической конструкцией, образованной сочетанием архаичного имени действия на *-гы/-ге* со

вспомогательным глаголом *кил*. В грамматике башкирского языка форму рассматривали как основную форму желательного наклонения, обозначающую внутреннее желание [8., с. 118], настоящее желание [6, с. 104], субъективное желание [7, с. 123]. В настоящем и будущем времени данная конструкция выражает произвольное желание говорящего лица совершить какое-либо действие. В современном башкирском языке и в его диалектах с тем же модальным значением функционирует и другая аналитическая форма на *-аһы/-әһе кил*, которая прежде всего является литературной формой татарского языка. Но между этими формами нет каких-то конкретных границ. Если форма на *-аһы/-әһе кил* широко употребляется в говорах восточного и северо-западного диалектов башкирского языка, то форму *-ғы/-ге кил*, в свою очередь, можно встретить в диалектах татарского языка. Талантливые писатели, употребляя обе формы в одной конструкции, смогли показать морфологическое богатство башкирского языка. Например: *Эшсе халкының, получкага ғына күз терәп торғас алданаһы килмәй, эшләгән эшенең хаҡын тейешенсә алғыһы килә* (Ж.Кейекбаев). (Рабочий народ, надеясь только на получку, не хочет обмануться, хочет как следует получить свою заработную плату).

Глаголы повелительного наклонения со значением желания и архаичная глагольная форма желательного наклонения на *-ғыры /-гере, -кыры/-кере* также являются грамматическими синонимами. Во-первых, они употребляются для выражения радости, доброго пожелания: *рәхмәт яугыры // рәхмәт яуһын, рәхмәт тәшкәрә // рәхмәт тәшһән* «благодарность в форме пожелания добра»; *йәнең йәннәттә булғыр // йәнең йәннәттә булһын* «будь счастлив, живи как в раю». Во-вторых, обозначают зложелание или проклятие: *телең тилсә тәшкәрә // телең тилсә тәшһән* «золотуху на твой язык», *дәмөккөрә // дәмөкһөн* «да подохни ты», *ер йоткоро // ер йотһон* «пусть провалится сквозь землю» и тд. Чтобы признать эти формы абсолютными синонимами, глаголам повелительного наклонения требуется более эмоциональное выражение.

Семантика зложелания с аффиксом отрицания на *-ма/-мә* и *-ғыры/-гере* передает значение доброго пожелания, или, наоборот, семантика доброго пожелания в отрицательной форме имеет противоположное значение – зложелание. Такие устойчивые словосочитания в разговорной речи языка встречаются довольно часто. Например: *Асылбикә: Ай, хозай һукмагырзар, килеп тә еткәндәр* (М.Буранғолов). (Асылбикә: Ой, божья кара не настигла, приехали уже). Или: *Йә, мин кем инем? Анау шакшы, кәберендә лә тыныс ятмагыры* *Ихсанбайза убырциса инем!* (Т.Фарипова). (Ну, кем я была? Уборщицей была у этого непокойного мерзавца Ихсанбая).

Зложелание или проклятие в разговорной речи передаются формой условного наклонения в сочетании с модальным словом *икән*. Например: *Тукта әле, беззең йортка ла*

бер байрам килер... Гинең менән мин бер табында ашамам! Без күргәнде һиңә лә күрергә тура килһә икән... (М.Буранғолов). (Подожди еще, и в наш дом придет праздник... За одним столом с тобой я никогда не буду есть! Что мы пережили, и тебе пришлось бы это пережить...).

В значении “белого”, “чистого” пожелания в разговорной речи активно употребляются безглагольные предложения. Например: «Байрам менән!» («С праздником!»), «Тыуған көнөң менән!» («С Днем рождения!»), «Яңы йыл менән!» («С Новым годом!») и тд. Как известно, они являются кальками с русского языка. Такие искусственные новообразования-кальки в последние годы в тюркских языках встречаются все чаще и приводят к искажению родного языка. Литературно правильно было бы: «Байрам котло булһын!», («Желаю прекрасного праздника!»), «Тыуған көнөң менән тэбрикләйем!» («Поздравляю с Днем рождения!»), «Яңы йыл менән котлайым!» («Поздравляю с Новым годом!») и тд. Но следует отметить, что такие безглагольные предложения также определяют грамматическую синонимию языка.

В целом, грамматические особенности глаголов желательного наклонения и глаголов, выражающих значение желания, весьма многообразны. Каждая форма отличается морфологическими и семантическими особенностями. Однако все эти формы в той или иной степени связаны между собой и имеют общие функционально-семантические черты.

Список литературы

1. Ганеева, Г.Г. Контекстуальное желательное наклонение в современном башкирском языке / Г.Г. Ганеева // Вестник Башкирского университета. – 2008. Том 13. № 4. – С. 1026-1028.
2. Ганеева Г.Г. Желательное наклонение глагола в современном башкирском языке. Монография. – Бирск, 2013. – 178 с. (на башк. яз.).
3. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 232 с.
4. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 445-450.
5. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). – Л.: «Наука», 1981. – С. 52-57.
6. Ишбулатов Н.Х Башкирский литературный язык и его диалекты. – Уфа: Китап, 2000.– 212 с. (на башк. яз.).

7. Зайнуллин М.В. Современный башкирский язык. Морфология. – Уфа: Китап, 2005.– 264 с. (на башк. яз.).
8. Кийебаев Дж.Г. Современный башкирский язык. Учебник для студентов педагогических наук. – Уфа: БГУ, 2001. – 148 с. (на башк. яз.).

Рецензенты:

Хасанов Р.Ф., д.фил.н., профессор кафедры русского языка, литературы и методики преподавания русского языка и литературы Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Абдуллина А.Ш., д.фил.н., профессор кафедры русского языка, литературы и методики преподавания русского языка и литературы Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.